

Источники и литература

1. Бек У. Что такое глобализация? – М.: Прогресс – Традиция, 2001.
2. Зелинский В. Вызов и зов. Православие и глобализация. Взгляд с Запада. (www.pravoslavie.ru).
3. Зиновьев А. Новый этап глобализации. (www.rusk.ru).
4. Ключников Б. О глобализации, новом тоталитаризме и России. «Наш современник», N 6, 2000 г. (www.ya.ru).
5. Кувалдин В. Глобализация – светлое будущее человечества? (www.scenario.ng.ru).
6. Кураев А. Глобализация и ее антихристианские черты. (www.21v.ru).
7. Перевезенцев С. Крах гуманизма. (www.voskres.ru).

Вандышев В.Н.**ИНФОРМАЦИОННО-ВИРТУАЛЬНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: ТУПИКИ И ЛАЗЕЙКИ ИСТОРИИ**

Возникновение новой цивилизации мы можем наблюдать сегодня в ситуации некоторой отстранённости от истоков её, поскольку прояснились обстоятельства возникновения, основные факторы развития и т. п. Новая цивилизация, которую Э. Тоффлер назвал Третьей Волной, возникает в 1950-е годы в индустриально развитых США как целостный комплекс составляющих её элементов, она приносит с собой новые семейные отношения, изменения в стиле жизни, в материальных и нравственных нормах жизни, в любви, изменения в экономике, новые политические конфликты, новые взаимоотношения в межконфессиональной, международной, межгосударственной сферах, наконец, существенные отношения в сознании огромных масс людей.

Нельзя игнорировать то важное обстоятельство, что радикализуются формы жизни в одних странах и имеют место консервация форм жизни в других. Отсюда, возможно, и то, что сейчас называют конфликтом цивилизаций, тем самым признавая одновременное сосуществование нескольких цивилизаций. Естественно, что и употребление понятия «цивилизация» в разных контекстах предполагает разное понимание и отличия в содержании понятия цивилизации.

В 1970-е годы бурно развиваются социально-футурологические концепции и модели развития общества. Научный плюрализм явил миру разные версии будущего общества: «посткапиталистическое» *Р. Дарендорфа*, «постиндустриальное» *Д. Белла*, «постцивилизационное» *К. Болдуинга*, «новое индустриальное» *Дж. Гэлбрейта*, «индустриальное в фазе зрелости» *Р. Арона*, «продвинутое индустриальное» *Г. Маркузе*, «сверхиндустриальное» *Э. Тоффлера*, «технотронное» *З. Бжезинского* и другие. Авторы концепций руководствовались общей методологической установкой – необходима реиндустриализация, т. е. необходима такая индустриализация, при которой наука и техника станут гуманистическими и не будут разрушать естественно в человеке и в природе. И более того, предполагалось, что наука и техника в новых условиях будут способствовать утверждению общечеловеческих ценностей и выживанию человечества.

Своеобразие «постиндустриального» заключается в движении к **технотронному, сверхиндустриальному** обществу, в котором значительная часть энергии общества направляется на сферу потребления, услуг и коммуникации, т. е. на непромышленную сферу. Постиндустриальное общество является информационным и приходит на смену производственно – трудовому. Информация становится решающим фактором организации общественной жизни. Субъективный фактор, способствующий преобразованию общества, виделся теоретикам постиндустриализма в уверенности и готовности общественных организаций и отдельных индивидов участвовать в деле преобразования общества.

Будущее человечества наиболее радикально настроенным футурологам постиндустриального общества виделось скорее в обнадёживающем свете. Э. Тоффлер в работе «Третья волна» (1980) третью волну мировой цивилизации видел прежде всего в компьютерно – информационном обличе. «Третья волна» – это компьютер, биологическая революция, изменение видов энергии, новый геополитический баланс в мире, восстание против патриархальности, видеоигры, стремление к децентрализации, поиски индивидуальности и пр. Э. Тоффлер обнаружил глубокие процессы диверсификации (дифференциации) в современном западном обществе: появляется масса специализированных журналов и газет, растёт число радиостанций, пошла на убыль власть всемогущего централизованного телевидения, появляется кабельное телевидение с двусторонней связью, утрачивается привычное одностороннее понимание явлений. В это время возникла «блип – культура»: короткие информационные тексты, отрывки из песен, мультзаставки, коллажи. Основные черты радикальной перестройки, происходящей в мире, Тоффлер видел в нескольких аспектах. **Во-первых**, это гибкие информационные технологии. **Во-вторых**, – происходит демассификация общества, в нем возникают множества групп «по интересам». **В-третьих**, предвосхищающая новая демократия обеспечивает участие граждан в формировании моделей своего будущего. **В-четвертых**, возникают общие мировые рынки со свободным перемещением товаров, идей, культуры, людей. Отсюда задача правительств: научить людей встретить будущее.

Г. Маклуэн считал, что жизнь человечества будет перекроена электронной революцией. Спутниковая связь, кабельные сети и персональный компьютер приведут к принципиально новому состоянию цивилизации и культуры – к глобальному гиперинтеллекту (индустрии данных и знаний). Компьютеризация создает технологическую основу информатизации общества, которая ведет к «компьютерной демократии», где подлинной властью становится информация. Таким образом, роль информации в обществе соизмерима с социальной революцией. Тот, кто владеет информационно – коммуникационными сетями, тот владеет обществом!

Оптимисты постиндустриального переустройства мира полагали, что информационно-компьютерная революция сделает мир «глобальной деревней», позволяя сочетать преимущества городского комфорта с полез-

ностью сельской природы. Э. Тоффлер пишет об «электронном доме» как коттедже с земельным участком, который оснащён электронной техникой, производственно-бытовой автоматикой, доступом к коммуникационным сетям, поскольку ряд видов производственной деятельности можно выполнять посредством информационных систем на дому. А японские проектанты предусмотрели даже строительство информационных городов на 200–250 тыс. человек с полным набором благ, даруемых информационно-компьютерными технологиями.

Сегодня в значительной степени решены, как это представляется западным социологам, материальные проблемы человеческого существования в постиндустриальном мире. Но беспокойство и неудовлетворенность западного человека продолжают оставаться как экзистенциально неотъемлемый элемент. И связано это с особенностями развития культуры и идеологии. Идеология служит обоснованию и апологетике, она относится к той части культуры, которая глубоко заинтересована в упрочнении и защите убеждений и ценностей, в то время как наука является диагностическим и критическим измерением культуры.

Знаменательно, что Алвин Гоулднер – один из современных западных идеологов, – выступая в 2000 –м г. в дебатах по проблемам культуры и идеологии в Кембриджском университете, сосредоточил внимание на особенностях современного этапа развития и на значении идеологии в жизни общества. Важно, что до последнего времени идеология распространялась посредством относительно высокообразованной читающей элиты и передавалась более широкой публике с помощью *письменных* интерпретаций «популярной» идеологии в газетах, журналах, проспектах, а также непосредственно в разговорах, в кафе, в классных комнатах, в лекционных залах или на массовых митингах. Нынче же значительно усилились устный, невербальный и изобразительный компоненты идеологии, поскольку возросла роль радио, кино, телевидения и, наконец, компьютеризированных систем массовой информации.

Идеология всегда подразумевала некую долю рациональной социальной критики, а сам человек пытался соучаствовать в определении социальной цели и в какой-то мере был сам готов к её изменению. Однако кино и телевидение дают возможность только пассивно наблюдая оценить нечто, не ставя целью сделать что –то или изменить. Сознание «нынешней массы» теперь формируется в большей степени радио, кино и телевидением, и эти люди испытывают большее влияние «индустрии сознания», чем «аппарата культуры», подчёркивает А. Гоулднер.

Заметим, что аппарат культуры скорее несёт «плохие новости», каковы, в частности, экономический кризис, политическая коррупция, классовые, этнические, расовые, конфессиональные предубеждения. Индустрия сознания, напротив, поставляет надежды, профессионально наблюдает и выпячивает «светлые» стороны жизни. При этом получается так, что подавляющая масса людей находится под прямым влиянием индустрии сознания. Аппарат культуры организуется главным образом в университетах и вокруг них и находится под постоянной угрозой оказаться в изоляции от большинства общества.

Впрочем, XX век, творческое общественное сознание которого трепетно исследовало «новации» тоталитаризма в многочисленных его тенденциях и проявлениях, озаменовался появлением пессимистических концепций общественного развития, которые наиболее впечатляют в жанре антиутопий, которые живописуют перспективы тоталитарных и антигуманных форм государственного устройства. Таковы «1984» *Джорджа Оруэлла*, «Мы» *Евгения Замятина*, «Возвышение меритократии» *Мишеля Янга* и ряд других.

Сложная в своей противоречивости современная жизнь такова, что её затруднительно уложить в какие –то умопостижимые традиционным мышлением рамки, а посему и порождает поневоле, при попытках своего ретического толкования, весьма фантазмагорические, как и она сама, объяснительные концепции. По –видимому, самой влиятельной из наиболее распространённых концепций-химер в последние десятилетия выступает постмодернизм, характерные художественные образы которого достаточно определённо демонстрируют многообразие форм отчуждения в современном обществе.

Безусловно, широко распространённым сегодня стало и понятие «глобализация», вне поля действия которой немислимо ни современное экономическое, ни геополитическое мышление. Можно сказать, что даже признанным авторитетам жанра антиутопий многое из происходящего ныне и не снилось. Но как раз это и оказывается лишь частностями внешнего нашего существования.

Размышляя о современном этапе глобализации, важно акцентировать внимание на главном затруднении, испытываемом современным постиндустриальным обществом, которое в глубинах своей идеологической подоплеки всё чаще обнаруживает отсутствие цели, запутавшись в удовлетворении всё возрастающих сиюминутных потребностей. Здесь следует констатировать, что распространённое желание правительств и народов стран с высокоразвитой индустрией «быть сильными» вовсе не означает, что быть сильным и быть целенаправленным – это понятия взаимно внутренне согласованные. В этих условиях более комфортно чувствуют себя жители с традиционными ценностными установками, более приверженные естественной жизни, более глубоко чувствующие свою причастность к природному. Естественно, что таковые системы ценностей находят отображение в определённых доктринах, например, в «Зелёной книге». Естественно и то, что таковые доктрины сегодня неприемлемы в принципе, а для стран с глобализованной постиндустриальной экономикой и подавно.

И в прежних своих формах глобализация ослабляла барьеры вначале между отдельными народами и культурами, а позже – между суверенными государствами. Ныне глобализация преобразует внутренние социально-экономические отношения, разрушает культурные табу, жёстко отсекает всяческий партикуляризм, не упускает возможности наказать неэффективность, пользуется случаем всячески поощрять лидеров эффективности. В то же время глобализация углубляет отчуждение: а) между странами с различными религиозными, этническими и культурными традициями; б) между людьми с различным уровнем образования и различным мировоззрением; в) между различными поколениями людей, которые по-разному воспринимают динамику коммуни-

каций и воспитаны в разных системах массовой культуры.

Глобализацию нельзя сводить только к рыночным и экономическим параметрам, ибо важнейшими в плане проявления её последствий оказываются культурно – информационные последствия, которые также играют решающую роль в формировании обстоятельств бытия человека. Именно под влиянием пропагандируемых средствами массовой коммуникации стереотипов и ценностей, которые в подавляющем большинстве случаев коммерциализированы, происходит отчуждение человека от окружающего мира, находясь в котором он чувствует себя всё более и более неуютно.

Современного человека в обществе третьей волны окружает ставший где-то чуть ли не самодовлеющим и непредсказуемым мир техники. Парадоксально, но факт, он порождает ещё и иллюзию простоты, поскольку всё большая масса людей выступают всего лишь потребителями услуг технических устройств, не задумываясь над особенностями процессов, происходящих в «чёрном ящике».

Мир техники породил природу очеловеченную. Не вызывает сомнений, что массовое использование технических новшеств привело уже в середине XX века к очевидному огромному техногенному воздействию на окружающую среду индустриальных стран первой волны.

Сегодня очевидной реальностью становится виртуальный мир как мир, преимущественно находящийся на грани бытия, чуждый здравому смыслу. Первоначально выступая как атрибут теоретического в фундаментальной науке, виртуальное стало сегодня атрибутом повседневности. Здесь виртуальное – это мир фантастических возможностей, мир удачи, торжества случая, мир возвышения посредственности над окружающими, мир пренебрежения интересами другого. Отсюда и получается, что бытие современного человека – это бытие в пленительной неотвратимости повседневных иллюзий.

Одной из таких иллюзий является «новый коммунизм», истоки которого я усматриваю в своеобразии современной финансово-кредитной системы. В мировой экономике движутся огромные денежные потоки, которыми она кредитруется за счёт населения. По большому счёту – это «ничейные» деньги. Тем, кто их накапливает на своих счетах (будучи уверен в их возврате в любой момент), они «сегодня» ещё не нужны. Но эти деньги реально существуют для тех, кто наверху финансовой пирамиды ими пользуется сегодня и определяет с их помощью сегодняшнюю и завтрашнюю «большую» политику. Правда, периодически где-то возникают скандалы, пишут о коррупции в высших эшелонах власти, терпят «неожиданный» крах зубры американской, западноевропейской и южно-азиатской экономики. И чем дальше, тем большее количество потребителей будет безвозмездно пользоваться этими заимствованиями. Чем не коммунизм?

В русле возникновения новой цивилизации Третьей Волны, в которой многие формы взаимоотношений между людьми отличаются от традиционно складывавшихся на протяжении нескольких столетий Второй Волны, возникает и новое видение истории. Тот факт, что столь значительное число людей сегодня одержимо идеей "конца света", является далеко не случайным. В определенном смысле это весьма печальное обстоятельство, так как все экстравагантные формы, в которых проявляется эта неадекватно понятая идея, все возникающие в различных кругах вульгарные мессианские движения – словом, все столь типичные для нашей эпохи проявления неуравновешенности и дисгармонии лишь еще больше усугубляют всеобщий хаос. Но как бы то ни было, факт остается фактом, и одержимость "концом света" сегодня налицо. Без сомнения, проще всего было бы, не вдаваясь в подробности, отбросить подобные концепции как бессмысленные и несостоятельные фантазии. Но мы, со своей стороны, считаем, что гораздо полезнее, вскрыв эти заблуждения, показать их причины и, несмотря на все искажения и извращения, выявить содержащиеся в них зерна истины.

Озабоченность "концом света" тесно связана с состоянием всеобщего беспокойства, в котором пребывают современные люди. Смутное предчувствие действительно близкого конца спонтанно действует на воображение некоторых людей, естественным образом порождая дикие и грубо материальные образы, выражающиеся затем в упомянутых экстравагантных мессианских движениях. Однако такое объяснение не оправдывает сами эти движения. По крайней мере, если и можно простить невольное впадающих в заблуждение людей, предрасположенных к этому всей окружающей атмосферой и не несущих за это ответственности, то для оправдания самого заблуждения как такового не может существовать вообще никаких оснований или причин.

Люди, обладающие смутным предчувствием близости конца, при этом часто не в состоянии точно определить природу или пропорции грядущих изменений. Невозможно отрицать тот факт, что это предчувствие основывается на реальности, даже если оно чрезвычайно смутно и способствует ложным интерпретациям и деформациям воображения. Каков бы ни был характер приближающегося конца, кризис, с необходимостью к нему ведущий, совершенно очевиден, и нет недостатка в ясных и недвусмысленных знаках, указующих в этом направлении. Естественно, "конец" будет не "концом света" как такового, как некоторые хотели бы это представить, но, по меньшей мере, концом одного из миров. И поскольку конец должен постигнуть именно западную цивилизацию, те, кто привыкли считать только её "цивилизацией" по преимуществу и кто за её пределами вообще ничего не видит, естественно, склоняются к мысли, что вместе с ней погибнет и всё остальное. Поэтому конец этой цивилизации будет для них "концом света" в самом широком смысле слова.

Таким образом, чтобы придать проблеме истинные пропорции, можно сказать, что мы, по всей видимости, действительно приближаемся к концу нашего мира или, иными словами, к концу определенной эпохи, к концу данного исторического цикла, который, согласно всем учениям традиции, разбирающим этот предмет, должен соответствовать концу цикла космического. Подобные события неоднократно происходили в прошлом и, вне всяких сомнений, будут происходить и в будущем. Их значительность и серьезность варьируются в зависимости от того, случаются ли они в конце более или менее долгих периодов и затрагивают ли они все человечество в целом или одну из его частей, ту или иную расу, тот или иной народ. Судя по актуальному состоянию нашего мира, грядущая трансформация может стать тотальной, т. е. в той или иной степени должна затронуть весь мир в целом.